

Станислав Игнацы Виткевич

Сапожники

OCR Busya

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161868

Станислав Игнацы Виткевич «Сапожники», серия "Библиотека
журнала «Иностранная литература»: Известия; Москва; 1984
ISBN 5-206-00029-9

Аннотация

Научная пьеса с «куплетами» в трех действиях.

Станислав Игнацы Виткевич (1885–1939) – выдающийся польский драматург, теоретик театра, самобытный художник и философ. Книги писателя изданы на многих языках, его пьесы идут в театрах разных стран. Творчество Виткевича – знаменательное явление в истории польской литературы и театра. О его международном признании говорит уже то, что 1985 год был объявлен ЮНЕСКО годом Виткевича. Польская драматургия без Виткевича – то же, что немецкая без Брехта, ирландская без Беккета, русская без Блока и Маяковского. До сих пор мы ничего не знали

Содержание

Действие первое

7

Конец ознакомительного фрагмента.

33

**Станислав
Игнацы Виткевич
Сапожники
Научная пьеса
с «куплетами» в
трех действиях**

Посвящается Стефану Шуману¹

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Саэтан Темпе – сапожный мастер; редкая, как у борова, бороденка и усы. Седеющий блондин. Одет в обычную сапожницкую одежду с фартуком. Около 60 лет.

Подмастерья – 1-й (Юзек) и 2-й (Ендрек). Очень симпатичные бравые молодые деревенские парни. Одеты в обычную для сапожников одежду. Обоим лет по 20.

Княгиня Ирина Всеволодовна Збережницкая-Подберезская – очень красивая шатенка, чрезвычайно милая и при-

¹ Стефан Шуман (1889–1972) – известный польский психолог, друг Виткевича.

влекательная. 27–28 лет.

Прокурор Роберт Скурви – широкое лицо, как будто сделанное из кровяной колбасы, инкрустированное голубыми, как пуговики от трусов, глазами. Мощные челюсти – кажется, они могут разгрызть в порошок кусок гранита. Костюм «тройка», на голове котелок. Трость с золотым набалдашником (*très démodé*²). Широкий белый галстук завязан узлом, на нем – огромная жемчужина.

Лакей княгини, Фердущенко – немного напоминает манекен. Одет в красное с золотыми галунами. Короткая красная накидка. Соответствующий головной убор.

Гиперрабочий – одет в рабочую блузу и картуз. Бритый, широкоскулый. В руках колоссальный медный термос.

Двое сановников – товарищ Абрамовский и товарищ Икс. В штатском, прекрасно одеты. Высокий интеллектуальный уровень, и вообще высший класс. Икс гладко выбрит, Абрамовский с бородой и усами.

Юзеф Темпе – сын Саэтана, около 20 лет.

Крестьяне – старый мужик, молодой мужик и девка. Одежда галицийских крестьян.

Охранница – молодая красивая девушка. Поверх мундира – фартучек.

Охранник – обыкновенный здоровый малый, свой в доску. Мундир зеленый.

Хохол – (розовый куст, обернутый на зиму соломой) – из

² давно вышедший из моды (*франц.*).

«Свадьбы» Выпянского.
[Гнэмбон Пучиморда.]

Действие первое

Сцена представляет собой сапожную мастерскую (она может быть оборудована с фантазией), расположенную на небольшой сферической поверхности. Слева – треугольник портьеры вишневого цвета. Посредине – треугольник серой стены с круглым окошком. Справа – пень высохшего, искривленного дерева, между ним и стеной треугольник неба. В глубине с правой стороны виден далекий пейзаж с городишками на плоскости. Мастерская размещена высоко над долиной и кажется стоящей на высоких горах. Сэтан – в центре, по бокам – подмастерья. Первый работает по левую сторону, второй – по правую. Издалека доносится гул самолетов или черт знает чего, а также рык фабричных сирен.

Сэтан (стуча молотком по какому-то баймаку). Не будем говорить глупых вещей. Эх! И-эх! Прибивай подметки! Колоти по подметкам! Сгибай твердую кожу, ломай себе пальцы! К черту – не будем говорить глупых вещей! Туфельки княгине! Только я, вечный скиталец, всегда прикован к одному месту. Эх! Прибивай подметки для этих стерв! Не будем говорить глупых вещей – нет!

1-й подмастерье (прерывает его). А хватило бы у вас смелости ее убить?

2-й подмастерье перестает стучать молотком по подметке и внимательно прислушивается.

Саэтан. Раньше да – теперь нет! Э-э-хх! *(Взмахивает молотком.)*

2-й подмастерье. Перестаньте все время говорить «эх», меня это раздражает.

Саэтан. Меня еще больше раздражает, что я для них башмаки шью. Я, который мог бы быть президентом, королем толпы – хотя бы на минуту, на одну-единственную минуточку. Гирлянды, горящие лампочки разноцветных фонарей, фонари людских голов и слова, витающие над ними... А я, грязная, нищая вшивота с солнцем в груди, блестящим, как золотой щит Гелиодора, как сто Альдебаранов и Вег, – я не умею говорить. Эх-х! *(Взмахивает молотком.)*

1-й подмастерье. Почему не умеете?

Саэтан. Не давали. Эх! Боялись.

2-й подмастерье. Еще раз скажете «эх», я брошу работу и уйду. Вы даже не представляете себе, как меня это раздражает. А прогос: а кто такой Гелиодор?

Саэтан. Какой-то вымышленный персонаж, а может быть, это я сам его выдумал – я уже ничего не знаю. И так без конца. Одна минута... Я уже не верю ни в какую революцию. Само слово-то какое отвратительное, как таракан, как паук или вошь. Потому что все оборачивается против нас. Мы же – навоз, такой же навоз, как какие-нибудь древние короли или интеллигенция в глазах тотемного клана, – навоз!

2-й подмастерье. Хорошо еще, что вы не сказали «эх», а то бы я вас убил. Навоз-то навозом, но им неплохо жилось.

Ихние девки, суки размалеванные, мать их за ногу, не смердели так, как наши. О господи!

Саэтан. Так уже все осточертело на этом свете, что ни о чем и говорить-то не стоит. Гибнет человечество под гнетом разлагающейся туши злокачественного новообразования капитала, где, как волдыри, набухают фашистские правительства и тут же лопаются, выпуская зловонные газы варящейся в собственном соку безликой человеческой толпы. Уже ничего не нужно говорить. Все выговорено до дна. Ждать нужно, когда все свершится, но и самим что-то делать, кто сколько может. Разве мы не люди? А может быть, люди – это только они, а мы всего лишь оскотевшая падаль с такими, знаете ли, о господи боже мой, вторичными придатками, чтобы еще сильнее мучиться и скулить им на забаву. Эх! Эх! (*Колотит молотком по чему попало.*) А они наверняка думают именно так, все эти толстопузые, пахнувшие дорогими сигарами, обливающиеся склизким коктейлем из собственной роскоши и нашей нищеты, беспросветной в своей муке. Эх! Эх!

2-й подмастерье. Вы так мудро все это изложили, что даже ваше отвратительное «эх» меня на этот раз не покорило. Я вас простил. Но больше никогда этого не делайте, храни вас господь.

Саэтан (*не обращая внимания*). А самое ужасное то, что работа не прекратится никогда, поскольку вся эта сукина дочь социальная махина не повернет вспять. И одна только радость, что все как один будут вкалывать и вкалывать, до

беспамятства, до одури, так, что не останется даже этих бездельников...

1-й подмастерье (*догадываясь*). На контрольных руководящих постах?

Саэтан. Так ты тоже об этом думал, братец? Эх! Вот и сравнивай тут: ум хорошо – два лучше. Да и как сравнивать два человеческих мозга? Даже нет, не сравнивать – хотя и это трудно, – а сровнять? Так вот, они будут работать так же, как и мы. Такая вот небольшая неприятность. Сейчас еще пока у этих негодяев слишком много удовольствий, поскольку еще существует творчество, – эх! А ведь и я тоже могу придумать, скажем, новый фасон, хотя пожалуй что уже нет, не могу. Нет и нет! Не могу! (*Заливается слезами.*)

1-й подмастерье. Бедный мастер! Ему хочется, чтобы работа была и механической и одухотворенной одновременно, чтобы дух обожествил эту механику. Это как старые мастера, музыканты и художники, превращали свои физиологические выделения в уникальные проявления самовыражения. Я что, говорю какие-то нелепости?

2-й подмастерье. Да нет, только как-то чуждо... Я все то же самое могу выразить более по-свойски. (*Пауза; никто его не поощряет, не подбадривает, он тем не менее продолжает говорить.*) Прискорбная пауза. Никто меня не поощряет. Однако говорить я буду, потому что мне так хочется и удержу нет никакого. Сегодня здесь наверняка появится эта княгиня со своей прокурорской собачонкой и начнет болтать, дыр-

ки нам в метафизических пупках сверлить, как энти спеси-
вые и надменные господа называют у себя те конфетки, кото-
рые у нас зовутся зудящими язвами и только так и будут на-
зываться. Это выражается в противоречиях, примирить ко-
торые никак не удастся, как, скажем, эта их сакральная су-
ка и ихние благородные отходы, которые они называют сво-
ими метафизическими переживаниями. Ими они ублажают
свои раскормленные животы, и каждое такое удовлетворе-
ние нажравшейся скотины – это боль и пустота в наших киш-
ках. Я, знамо дело, хотел говорить, и я скажу: жить и уме-
реть, сжаться, превратившись в булавочную головку, и рас-
кинуться, объяв собой весь мир, напыжиться и обратиться в
прах... (*Внезапная пустота в голове не позволяет ему про-
должать.*) Больше я ничего не скажу, потому что у меня в
башке вдруг сделалось пусто, как в амбаре или овине.

1-й подмастерье. Да-а-а... Не очень-то вы подготовились
к этому своему спичу, кстати, пишется через «эс», «пэ» и
«че». Я, видите ли, Ендрек, знаком с теорией Кречмера по
лекциям этой интеллектуальной вертихвостки Загорской в
нашем Свободном Рабочем Университете. Ох, свободный-то
он свободный, но свободен он прежде всего от запора и дей-
ствует как слабительное, этот наш Университетик. Сами-то
они получают настоящее образование, а на нас выливают
этот интеллектуальный понос, чтобы задурить нас еще силь-
нее, сильнее даже, чем этого хотелось бы всяческим хан-
зам и святошам, которые прислуживают им, как феодалам, а

развития тяжелой промышленности боятся как огня. Я вам, Ендрек, заявляю, что это шизоидная психология. Но не все такие, как они. Это вымирающая раса. Все больше на этом свете появляется людей пикнического типа. Усё-то у них есть: радива-какава, кино-вино, финики-фигиники, набитое брюхо и нежнящееся ухо, – шо им надоть? А сами-то по себе все они падаль гнусная, помет безмятежный, гуано мерзейшее. Это и есть пикнический тип, понятно? А всякий, кто собой недоволен, только хаос и сумбур на свете производит и все лишь ради того, чтобы перед самим собой покрасоваться и самому себе показаться лучше, чем он есть на самом деле, – не стать лучше, а только казаться лучшим, превосходнейшим, охренительнейшим. И выдрючивается такой вот тип перед самим собой... *(После паузы.)* Я вот даже сам про себя не знаю, какой я тип – пикнический или шизоидный?

Саэтан *(твёрдо; бьёт молотком по сапожной колодке или по чему-то такому)*. Эх! Эх! Болтайте, болтайте, а жизнь проходит. Я бы хотел заняться дефлорацией ихних шлюх, девергондировать их, полишать их всех к черту невинности, насладиться ими, *primae noctis*³ с ними провести, на ихних перинах понежиться, до икоты, до рыгання нажраться их жратвой, а потом задохнуться их потусторонним духом, но при этом не подделываться под них, а создавать все заново и лучше: даже новую религию на посмешище всем, и новые картины, и симфонии, и поэмы, и машины, и новую, насто-

³ первую брачную ночь *(лат.)*.

ящую, хорошенькую, как моя Ганечка... *(Прерывается.)* Э-э-э... Не буду обращать все в слова – на ихнем языке это называется кошунством и святотатством. *(Резко.)* А что у меня есть? Что я со всего этого имею?!

2-й подмастерье. Тише вы!..

Саэтан. Не буду я тише – ты, фрайер! Эх! Эх! Эх! *(Колотит молотком.)* Сын вступил в организацию с отвратительным названием «Отважные Ребята». Это вроде бы организация тех, кто хотел бы всего сразу; им бы хотелось ликвидировать интеллигенцию, но убивать они никого не собираются – только лишь в крайнем случае, когда иначе нельзя. Эх!

Из правой кулисы появляется прокурор Скурви. Цилиндр. Зонт. Костюм «тройка». На руках перчатки. В руках желтые цветы.

Скурви. Как вы это себе представляете: не убивать – «только лишь в крайнем случае, когда иначе нельзя». Никогда нельзя, а всегда нужно – вот так. Эге.

2-й подмастерье. А этот – «эге»! Один – «эх», другой – «эге», невозможно вынести. *(С яростью принимается за неестественно огромный офицерский сапог, который он вытащил из захламленного угла слева от себя. Мгновение спустя – Скурви наблюдает за ним с выжидательной улыбкой – в отчаянии кричит.)* Я не хочу работать за эти гроши. Я не буду работать! Пустите меня!

Скурви *(холодно; улыбку с лица как ветром сдуло)*. Эге. Путь свободен. Можете идти и подышать себе под забором.

Освобождение дает только труд.

Саэтан. Но ты-то работаешь сидя в кресле, покуривая хорошие «папирусы», жрешь что хочешь. «Работник умственного труда». Каналья! Однако и чувственных удовольствий ты не избегаешь – эх! *(Дико хохочет.)*

Скурви. Вы что же, Саэтан, полагаете, что когда-нибудь будет по-другому? Неужели вам действительно представляется, что все будут механически уравнены и подогнаны под стандарт? Нет – всегда будут директора и высшие руководители, которые вынуждены будут питаться иначе, чем даже, скажем, мастер или бригадир на заводе или фабрике, потому что умственный труд предполагает особые составные части мозга, а следовательно, и особое питание.

2-й подмастерье плачет.

Саэтан. Эх! Но они будут питаться соответствующими препаратами без вкуса и запаха, а не лангустами и прочими яствами, как ты, прокурор высшего суда по разрешению социальных конфликтов между трудом и капиталом. Эх ты, кастрат элитарный! В нынешние времена, когда появляются фашиствующие синдикалисты вроде моего сыночка, ты еще можешь существовать как солитер разлагающегося высшего общества. Но когда подлинные революционеры-синдикалисты вообще уничтожат государство как таковое, такие, как ты, перестанут быть нужны. Появится настоящий ТОВАРИЩ-ДИРЕКТОР, вскормленный на отвратительных таблетках... *(Плачет.)*

Скурви. У вас просто какой-то комплекс лангустов, у вас и вам подобных. Нет, Саэтан, так не будет никогда. Вам не удастся добиться, чтобы наш подвид деградировал до такой степени, что органы пищеварения катастрофически ужмутся и будут довольствоваться парой таблеток. В этом случае пропорционально деградировало бы все на свете так, что никаких проблем вообще бы не возникало: существовала бы масса, состоящая из угасающих первобытных особей, а не общество, безнадежно больное зависимостью одних своих составных частей от других.

2-й подмастерье. Я вам вот что скажу: сгодилась бы любая правда, если бы не личная жизнь человека. Вы, господин прокурор, как только выполните свою работу, так можете поразмышлять о вещах абстрактных, в зависимости от настроения вашего желудка и селезенки, а также всяких там толстых и тонких кишок...

Скурви. Ну, это преувеличение...

2-й подмастерье. Если и да, то небольшое. *(Жалобно.)* Мне хочется красивых женщин и много-много пива. А выпить я могу только две кружки, да еще все время с этой Каськой да с Каськой, черт бы ее драл!

Скурви *(недовольно)*. Хватит!

2-й подмастерье *(подходит к нему, сжимая кулаки; с иронией)*. Хватит?! У господина прокурора самого что ни на есть высочайшего суда аж во рту кисло становится от того, что Ендрек все время с этой Каськой да с Каськой. Ведь сам-то

господин прокурор у нас теософ, имеет различные любопытные идейки, а шлюх у него сколько угодно. Самому-то ему, правда, хотелось бы только с одной, но как раз с ней-то ничего и не выходит, ха-ха-ха, везде одни и те же проблемы, параллельно взаимосвязанные, хи-хи-хи!

Скурви (*мрачно*). Замолчи, ублюдок, замолчи, сукин сын.

1-й подмастерье. Ага, ага! Попал в «десятку», чтоб мне пусто было! Она сейчас будет здесь, эта садистка с лицом ангелочка и скандальной нравственностью, что твоя маркиза де Бривий. Для нее муки господина прокурора, который, будучи в обществе других девиц, все равно вынужден думать о ней, «недосягаемой» соме – слово «сома» означает совсем не то, что вы думаете, в нем нет ничего плохого, – так вот, для нее эти мучения то же самое, что заглядывание мимоходом в наши мастерские, где мы потеем и задыхаемся от смрада, или в тюрьмы, где гибнут в половом, а вернее, внеполовом отчаянии лучшие самцы, самые выдающиеся представители мужского пола, пребывающие в духовном и телесном распаде...

Скурви. Он ошалел, я просто не могу выносить его безумия – сам начинаю сходить с ума. Я свихнулся, свихнулся! (*В изнеможении опускается на табуретку.*) Я так хорошо ее понимаю, даже в проявлениях ее наихудших женских свинств... и так бы было хорошо... Ну что же, раз она хочет, чтобы ничего не было, то... ох! ох! Мои мучения станут еще сильнее, теперь, я думаю, их не успокоит даже какое-нибудь

наибезумнейшее сверхнасилие.

Саэтан. О, видите, он разложился на элементарные частицы и даже уже не воняет. Попробуйте, господин прокурор, пошить с нами башмаки, вам это пойдет только на пользу – это все-таки лучше, чем вид приговоренных к смерти на рассвете.

Скурви. Вы даже и это знаете, Саэтан?! Саэтан, как же это все ужасно! (*Рыдает.*)

Входит княгиня, одетая в серый костюм, в руках – прекрасный букет желтых цветов. Она раздает из него по цветку всем присутствующим, не исключая прокурора Скурви, который, не вставая с табуретки, принимает его с достоинством и тайной обидой, – как все это воспроизвести на сцене, а? После этого букет помещается в высокую вазу для цветов. Эту радужного цвета вазу несет за княгиней весь расшитый галунами лакей Фердуценко. Он же держит на поводке фокстерьера Теруся.

Княгиня. Здравствуйте, Саэтан, здравствуйте. Как поживаете, как поживаете? Здравствуйте, господа подмастерья. Ого – я вижу, работа кипит в охотку, как раньше выражались духовные наставники наших великих писателей восемнадцатого века. Хорошее слово – «в охотку». Вы бы, господин прокурор, смогли заниматься любовью в охотку?

Терусь обнюхивает прокурора.

Терусь, фу!

Скурви. Я хотел бы своими руками создать пару башма-

ков, хотя бы одну пару! Тогда я буду достойным вас, только тогда. Тогда я смогу сделать что захочу из кого захочу. Даже из вас – добрую, заботливую, любящую женщину, чудовище вы мое любимое, единственная моя... *(Его вдруг заело.)*

Саэтан. Тихо, вы! Смотрите – заело его. Эх!

Княгиня. Ваша беспомощность, доктор Скурви, возбуждает меня до экстаза. Мне бы хотелось, чтобы вы при этом смотрели, как я – ну, знаете, это... ну, это самое, только не скажу с кем, есть один такой худенький поручик в полку синих гусар, кроме того, кое-кто из моего круга, а еще есть один художник... Ваша неуверенность является как бы резервуаром для моего самого разнузданного, животного, утробно-инсектицидного полового удовлетворения. Я бы хотела быть самкой кузнечика-богомла, которая пожирает, начиная с головы, своих партнеров, в то же время не прекращая это... хи-хи-хи – ну, сами знаете, это самое...

2-й подмастерье *(отвратительно выговаривая французские слова, поднимает над головой огромный офицерский сапог)*. Кель экспрессьон гротеск!⁴

Чувствуется, что все сапожники сильно возбуждены.

Саэтан. Дай-ка ему этот офицерский кавалерийский, мать его в бога душу, сапог. Пусть он дошьет его за тебя. Ему такие сапоги нужны, ему и тем господам, ради которых он засаживает будущих героев человечества в свои санатории, да что там санатории – дворцы! дворцы воспитания духа! Дер-

⁴ Какое гротескное выражение! *(франц.)*

жать всякий сброд и голытьбу за морду – вот их благороднейший лозунг!

1-й подмастерье. Товарищ мастер, а ведь он еще и страдалец: он ведь влюблен в нашего распутного ангелочка только потому, что она княгиня, а он – обыкновенный, третьестепенный буржуй, а не граф. Таких, как он, графья безнаказанно били по мордасам еще двести лет назад. Вот он и страдает и сам упивается своим страданием, без этого не было бы так сладко ему, драной кошки сыну, как выражался наш знаменитый литературный критик Бой-Желенский.

Скурви (*вскакивает с табуретки, 2-й подмастерье передает ему офицерский сапог; Скурви прижимает его к груди и восторженно рычит*). Только одно не так, только одного вы не сможете у меня отнять: того, что я подлинный, настоящий либерал, а где-то, в экономическом смысле, даже демократ.

Саэтан. Достал ты его... Да – он сожалеет, что не вкусил этого наипаршивейшего существования, которое, быть может, содержалось в иллюзорно-фиктивных ценностях графской жизни в последней половине двадцатого века. Он отдал бы не знаю что ради того, чтобы иметь возможность стать страдающим графом и втемашить себе в башку эдакую высшую утонченность относительно всего нашего существования, мать его курва, я уж прямо и не знаю... Ему недостаточно того, что он будет шить сапог в качестве доктора права и прокурора чуть ли не наивысшего, прямо-таки Страшного суда, – ему важно то, что этот ангелочек (*указывает на кня-*

гию) протрубит ему своими внутренними органами.

Княгиня (*обращаясь к фокстерьеру, которого успокаивает Фердущенко*). Терусь, фу! И вы тоже фу, Саэтан! Так же нельзя, не «лзья», как говорили шутники-славянофилы, изобретатели лингвистических бессмыслиц. Это нехорошо, неприлично, и все тут. У вас всегда было столько такта, а сегодня?

Саэтан. А я буду бестактным и безвкусным, буду! Довольно этого самого вкуса. Вся грязь и вонь я вытряхну из своего нутра на Страшный суд. Пусть все воняет, пусть насквозь провоняет весь этот мир, пусть он вывоняется до конца, может быть, после этого он наконец-то заблагоухает; жить в таком мире, каким он является сейчас, просто невозможно. Несчастные человечки не ощущают, как смердит демократическое вранье, а вот вонь сортира они чувствуют. Эх! Правда вот в чем: он отдал бы все на свете, чтобы хоть одну секунду побыть настоящим графом. Но он не может, не дано ему, бедолаге несчастному, эх!

Скурви. Пощадите! Я признаюсь. Сегодня утром при мне повесили осужденного графа Кокосиньского – Януша, не Эдварда, убийцу уличной проститутки Рыфки Щигелес, государственного растратчика из Польской объединенной партии, канцелярия номер восемнадцать, Признаюсь: я завидовал тому, что его вешают, его, настоящего аристократа, Конечно, если так, положив руку на сердце, говорить, я бы не дал себя повесить и за девять «кусков», но тогда я завидо-

вал. Он, этот граф, что-то говорил и одновременно рыгал со страха, как мопс, которого замучили глисты. «Смотрите, как в последний раз испражняется настоящий граф!» Ох – хоть раз иметь возможность так сказать и умереть!..

Княгиня (*фокстерьеру*). Терусь, фу! Я таю от нечеловеческого наслаждения! (*Поет – это ее первая песенка.*) «Я из рода „фон“ унд „цу“, бюю прислугу по лицу, прыгаю, как антилопа гну, мужика в бараний рог согну!» Это моя первая песенка сегодня с утра. Моя девичья фамилия – Торнадо Байбель-Бург. Вы, Роберт, понятия не имеете, какое наслаждение носить такую фамилию.

Скурви (*теряя сознание и падая в обморок*). Ах – ведь когда-то она была девушкой. Почему-то мне никогда это не приходило в голову. Малюсенькой девчоночкой, доченькой-паинькой. Эта безвкусная в высшем понимании песенка пробрала меня до слез. На меня вот такие вещи действуют гораздо сильнее, чем настоящие страдания. Чья-нибудь небольшая стыдливая оплошность трогает и умиляет меня до безумия, а вот на выпущенные кишки я могу смотреть без содрогания. Золотце мое единственное! Как безмерно я тебя люблю! Как страшно, когда дьявольское желание входит в соприкосновение с нежностью и сентиментальностью. Вот тогда самец готов. Гото-о-о-о-венький...

Падает с табуретки, прижимая к груди сапог. Сапожники, не выпуская из рук желтых цветов, которые им раздали, поддерживают его. Они понимающе подмигивают друг дру-

гу, ушатами поглощая совершенно нездоровую атмосферу.

2-й подмастерье (*нюхая цветок; прокурора Скурви при-строили на табуретке в очень неудобной позе – головой вниз*). Страдалец! Я поглощаю реальность грязными по-мойными ведрами. Атмосфера нездоровая, как *Campragna Romana*.⁵ Я пью застывшие в воздухе помои через соломинку, как мазагран или лимонад. Ужасные страдания! Мои внутренности так опалены, как будто мне сделали клизму из концентрата соляной кислоты.

Княгиня (*риторически*). Это преувеличение.

2-й подмастерье. Нет. Подумайте только, отчего я такой, а не иной?! Неправда, что о другом существе я не мог бы сказать «я». Я мог бы стать хотя бы вот этим падлом (*указывает на прокурора*), а я всего лишь вшивая суперрвань или что-то в этом роде – конечно, я выражаюсь приблизительно, – находящаяся на горном перевале через дичайший нон-сенс человеческого существования: смешения отдельно взятой личности, индивидуальности, с телами... знаете, я уже сам ничего не знаю... (*Смущенно умолкает.*)

Сэтан. Не нужно так смущаться, Ендрек! Неправда – биологический материализм автора этой пьесы выражен иначе: он представляет собой синтез откорректированного психологизма Корнеля и отредактированной монадологии Лейбница. Миллиардами лет соединялись и дифференцировались клетки и элементы только затем, чтобы такая мерзкая

⁵ римское предместье (*лат.*).

пакость, как я, могла бы сказать о себе – «я». А эта метафизическая, княжеского происхождения проститутка – да что там употреблять ласкательно-уменьшительные определения – эта сукина дочь, мать ее...

Княгиня (*с укоризной*). Саэтан...

Саэтан (*возбужденно*). Ирина Всеволодовна, вам Хвистек запретил присутствовать в польской литературе. И поэтому вы вынуждены слоняться по пьесам, переходя из одной в другую, по бессмысленным пьесам, которые никогда не будут поставлены, по пьесам, стоящим вне литературы. Он, этот Хвистек, терпеть не может русских княгинь, бедняга. Ему бы хотелось каких-нибудь белошвеек, консьержек, в общем, кого-нибудь в этом роде. А вот для меня это уже слишком! Для меня, для нас – только дурно пахнущие шлюхи и еще более вонючие дворовые матроны: наши бабки, кузины, тетки... эх!

2-й подмастерье. Это вы, мастер, уже занимаетесь классовым самобичеванием. Ваше счастье, что вы матерей здесь не упомянули, а то бы я вам по морде дал.

Скурви (*с дикой, безумной улыбкой*). Классовый класс! Ха-ха-ха! Логистика классовой борьбы. Классовая *борьба* классов против самих себя. Я тоже самого себя презираю. Все, хватит, из этих сетей надо выпутываться, кем-то нужно становиться: или по эту сторону, или по ту. Из страха перед ответственностью – моего страха – я готов упустить самый лакомый кусочек предназначенной мне жизни. А ведь будь я

графом, я бы мог лишь наблюдать за всем этим со стороны.

Княгиня. Только в Польше так остро стоит проблема принадлежности к графскому сословию. С этой минуты я запрещаю об этом говорить – шлюс, чудные мои мальчики! (*Целуется с подмастерьями.*)

Скурви. Как можно так выражаться: «чудные мои мальчики» – бр-р-р. (*Содрогается от отвращения и цепенеет.*) Это, знаете ли, верх безвкусицы и моветона! Я содрogaюсь от отвращения и цепенею. (*Делает это.*) 2-й подмастерье (*вытирает руки о фартук*). А вот мне уже за эти ваши туфельки нужна не монета, ваша княжеская милость, – мне бы десяточек точно таких же огненных поцелуев, какими обменивались господин Ксикос и госпожа Корпонэ в романе Мора Йокаи, который я читал в детстве.

Княгиня (*направляя на него маленький серебряный браунинг*). Знаю, «Белая дама» называется. Ты тоже получишь десяток пуль, как тот самый Ксикос.

1-й подмастерье. Так пишут дамочки, занимающиеся литературным трудом в бессознательном состоянии, ворошительницы устоявшегося понятийного порядка, безумные кликуши, исповедующие гадкий принцип «жизнь – это искусство, а искусство – это жизнь». В результате мы и получаем то, что сейчас происходит на нашей маленькой сапожничьей сцене, – все это придумано этими балаганьими лбами!

Скурви (*внезапно приходит в себя, встает*). Эге!

Саэтан. Смотрите, опять заэгекал. Наверняка выискал еще что-нибудь, чем бы над нами возвыситься. Качели какие-то, а не человек. Однако он тоже существо неудовлетворенное, это я вам говорю, и испытывает он, вероятно, адские муки, как выражался похороненный недавно в Вавеле,⁶ а не на Скалке,⁷ как того хотелось бы некоторым, Кароль Шимановский.⁸ Все же Скалка предназначена для захоронения локальных знаменитостей, а не подлинных гениев.

Скурви (*обрывая зубами цветы*). Хочу и буду! Я стану у них во главе и покажу вам ключ к моей душе. Вы узрите величайшего представителя моего класса – бедной, несчастной, демократической, недооцененной до конца буржуазии. Я должен! Я просто обязан преодолеть желудочные проблемы, после чего я буду рассматривать ваш вопрос на более высокой духовной платформе. Вы еще будете мне руки целовать, вы, мои братья по духовной нищете.

Саэтан. Да никто тебя ни о чем не просит. Ишь ты, тоже мне какой Робер Фратерните выискался! Нам не нужна интеллигенция – ваше время прошло. Из вибрионов мы произошли – в вибрионы и вернемся. Я люблю животных и поэтому ощущаю себя двоюродным братом змей юрского периода и силурийских троглодитов, а также лемуров и свиней

⁶ Королевский замок в Кракове.

⁷ Монастырский комплекс в Кракове.

⁸ Кароль Шимановский (1882–1937) – выдающийся польский композитор.

– я чувствую свою связь со всем живым во Вселенной. Нечасто это бывает, но это так. Эх! Эх! (*Впадает в экстаз.*)

Княгиня (*восторженно*). Ах, Саэтан, как я вас за это люблю! Люблю вас именно таким – грязным, вшивым, дурно пахнущим, с солнцем всеобъемлющей змеиной любви в сердце старейшего сапожника нашей планеты. Я, вероятно, когда-нибудь стану вашей – только для проформы, для шика, чтобы пофасонить, но с условием, что это будет всего лишь один раз.

Саэтан (*поет на мотив мазурки*).

Пестрого опыта в жизни не стоит бояться,
Правда, при этом нетрудно в дерьме извлекаться.
А хоть бы и так – ну и что, ну и что, ну и что?
Кто мне ответит на этот вопрос? Да никто! Эх!

Княгиня (*обсыпая его цветами*). Я отвечу, я – это меня касается. Только не пойте, пожалуйста, больше никаких куплетов, а то вы сразу же выглядите так безвкусно, что просто ужас. Я – другое дело, я могу себе это позволить хотя бы потому, что быть княгиней очень трудно. (*Кричит.*) Эх! Эй! Гей! Да здравствует посредственность! Наконец-то я обрету в тебе утешение за все мои муки, мои и моих предков, а также их задниц. Даже этот бедняга Скурви не кажется мне сегодня таким ничтожным.

2-й подмастерье. В этой проблеме предков что-то есть! Ведь родители – это кое-что да значит, это же не инкубатор.

И более далекие предки тоже кое-что да значат, черт возьми! Только не нужно доводить все до абсурда, как это делают всякие там аристократы и деми-аристоны. В этом суть, а самой необходимой вещью здесь мне представляется умеренность. На свете нет ничего более отвратительного, чем польский аристократ, – хуже может быть лишь польский полуаристократ, который пыжится и распускает перья уж совсем без всяких оснований. Гены, видите ли. И опять же доберманы и эрдельтерьеры...

1-й подмастерье (*прерывает его*). Попробуй, брат, хоть что-нибудь в этой жизни не доводить до абсурда. Все человеческое существование, святое и непостижимое, представляет собой один большой абсурд. Это борьба чудовищ и...

Княгиня (*запальчиво*). Потому что уверовать в бога исто-во не...

Сатан бьет ее по лицу с такой силой, что княгиня вся заливается кровью – прямо как лопнувший воздушный шарик, наполненный фуксином. Княгиня падает на колени.

Зубы мне выбил – мои зубы как жемчужинки. Это же настоящий...

Сатан бьет ее по лицу еще раз, она умолкает и, стоя на коленях, начинает рыдать.

Скурви. Иринка! Иринка! Теперь я никогда не выберусь из лабиринта твоей лунной души. (*Читает стихи.*)

В серебристые поля бежать с тобой хочу,

Своей мечтой туда как птица я лечу.
Но ужас одинокого пути
Я не смогу во сне перенести.

1-й подмастерье. Зато утром проснешься и пойдешь смотреть, как рыгают со страха осужденные тобой на смерть живые трупы. Этим ты и живешь, каналья! You vampirise them: ты их вампиризируешь перед смертью, you rascal!⁹ Я был в Огайо.

Скурви. Меня уже не ранят подобные слова. То, что вы хотите совершить отвратительным, грязным, паскудным способом, я совершу в прекрасном сне о самом себе и о вас. Все это будет выполнено в чудесной цветовой гамме. Я – во фраке, сшитом у Сквары, надушенный духами «Калифорниэн Поппи», как настоящий денди-щеголь, спасу этот мир одним таинственным волшебным словом, но все это будет не то, что вы думаете, все значения, которые вы придаете словам, это культурный регресс. Подлинный же магический смысл слов, в который верили еще наши поэты-пророки, не утерян – по сей день в него верят логистики и последователи Гуссерля. Я об этом уже как-то упоминал – возьмите мои брошюры, которые, нотабене, никто не читает, изданные еще до кризиса.

Княгиня (*стоя на коленях*). Господи, какой же он зануда!

Скурви. Аристократия выродилась – это уже не люди, это призраки. Человечество слишком долго носило на себе эти

⁹ ты негодай (*англ.*).

вшивые призраки! Капитализм – это злокачественное новообразование, начавшее гнить и разлагаться, заражая гангреной весь организм, его породивший, – вот сегодняшняя общественная структура. Капитализм нуждается в реформах, куда, правда, не входит отмена частной инициативы.

Саэтан. Чепуха! Вздор!

Скурви (*страстно*). Либо вся земля добровольно превратится в единую самоуправляемую массу, что звучит совершенно неправдоподобно без конечной катастрофы – а ее следует попытаться предотвратить любой ценой, – либо же всю культуру необходимо повернуть вспять. У меня в башке совершенно невероятный хаос! Создание объективного аппарата в виде элиты, в которую войдет все человечество, невозможно, так как увеличение интеллекта автоматически лишает человека смелости и независимости поступков: наимудрейший мудрец не додумывает своих мыслей до конца из страха хотя бы перед самим собой, грозящего в результате безумием. И все это ничто по отношению к реальной действительности. Страх перед самим собой это не легенда, а факт – человечество боится самого себя, человечество как некое собирательное целое устремлено к безумию, это признают лишь единицы, однако они бессильны. Катастрофальные прямо-таки мысли... Если бы я мог оставить свой либеральный тон и на время присоединиться к ним, чтобы потом разложить их по полочкам и пропитаться ими! (*Задумывается, сося палец.*)

Княгиня (*встает, вытирает платком окровавленные губы и говорит*). Скучно, Роберт. То, что вы говорите, – это все болтовня социального импотента, не имеющего серьезных убеждений.

Скурви. Ах так?! Ну тогда до свидания. (*Выходит не оглядываясь.*)

2-й подмастерье. Однако у этого мопса-прокурора гениальное чувство формы: ушел именно тогда, когда нужно. И все-таки он слишком интеллигентен, чтобы быть на сегодня кем-то. Сегодня, чтобы что-то совершить, нужно быть дураком.

Княгиня. Ну а сейчас мы займемся нашими обычными, будничными делами. Продолжайте работу – час еще пока не настал. Я когда-нибудь превращусь в вампира, который выпустит из клеток всех монстров, какие только существуют на этом свете. А вот ему для того, чтобы реализовать свою программу большевизации интеллигенции, необходимо прежде всего подавить любое стихийное общественное движение. Он все разложит по полочкам, но при этом половине из вас он для пущего порядка посварачивает головы. Он единственный, кто имеет влияние на предводителя «Отважных Ребят» Гнэмбона Пучиморду, однако во имя абсолютного социального лессеферизма, лессеализма и лессебизма никогда его не использовал. (*Садится на табуретку и начинает лекцию.*) Итак, дорогие мои сапожники, по духу вы мне даже ближе, чем заводские, механизированные,

благодаря Тейлору, рабочие, потому что в вас, представителях кустарных ремесел, сохранилась еще первобытная тоска лесных и водяных животных, совершенно утраченная нами, аристократами, вместе с самым примитивнейшим мужицким разумом. *(Кашляет долго и со значением.)*

Саэтан *(программно, неискренне)*. Эх! Эх! Вы только с этим своим долгим и многозначительным кашлем не переусердствуйте – все равно ничего не поможет! Эх!

Подмастерья. Ха, ха! Гм, гм. И дальше только так! И все будет в порядке! Гу, гу! Ху, ху!

Княгиня *(продолжает тоном лектора)*. Эти цветы, которые я вам сегодня принесла, это желтые нарциссы. Видите – о! – вот у них пестики, вот тычинки; оплодотворяются они таким образом: когда насекомое заползает...

1-й подмастерье. Господи ты мой боже! Так я же это еще в начальной школе проходил! Но меня прямо-таки любовный озноб прошиб, когда госпожа княгиня...

Саэтан. Эх! Эх! Эх!

2-й подмастерье. Я не мог от этого оторваться. Наша унылая половая тоска и безнадежность просто непереносимы, как в пожизненной тюрьме. И если бы сейчас со мной что-нибудь такое, избави боже, произошло, то это бы было, наверное, так замечательно, что я бы до конца жизни выл от огорчения.

1-й подмастерье. Умеет вот госпожа княгиня даже в простом человеке затронуть и разворошить самые тонкие фиб-

ры рафинированнейшего полового вожделения. У меня аж все пеленой покрылось от какой-то приятной и отвратительной муки... Жестокость это суть...

Саэтан. Эй, тише вы! Пусть в нашем смрадном житии наступит дивная минута, да святится этот миг и проходит! – пусть нас, голытьбу несчастную, погубит трагическая похоть! Я бы хотел жить недолго, как однолетник, а тут эта засраная жизнь тянется колбасой, без конца, аж за серый, выхолощенно-бессмертный горизонт безнадежно-бесплодного дня, где нас ожидает червивая, затхлая смерть. Все равно все упрется в могильную плиту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.